

ТЫ ОБЕЩАА ВОЛГЕ КРЫЛЬЯ

ода словно шепчется у его ног и, лениво взбираясь по прибрежным камням, обессиленно сползает вниз, оставляя легкие пузырьки. Вдоль понтонов, сложив свои крылья-паруса, толнутся яхты. Мачты напоминают осенний лес, они колышутся в такт набежавшей волне, чуть не задевая друг друга. Будто о чем-то судачат.

Мальчишка стоит на берегу, пускает «блинчики». Скачут по волне отшлифованные Волгой камешки, да недолгих их полет. Тонут, так и не добравшись до яхт. Да и как до них добраться...

— Эй, шкет! Иди-ка сюда. Воду класть будешь?

Воды в яхте много, даже стёны плавают. Мальчишка хватает ржавую консервную банку и начинает качать. Проходит много времени. Рука немеет, затекает спина, а вода не убывает. Он с ненавистью смотрит на нее, но продолжает качать.

Подходит рулевой, тот, который позвал его. Глядит на мальчишку с усмешкой.

— Ну, как, юнга, дела?

Его никто еще так не называл. Мальчишка поднимает голову, виновато улыбается — дела-то идут не очень хорошо — и произносит услышанное когда-то:

— Под тряпочку подберу. Мечта оказалась рядом. Мальчишка уже трогал ее руками, и ради мечты своей готов был терпеть все.

И он снова с яростью набрасывается на воду.

А когда через час яхта отходила от бона, мальчишка не понял: они

ли плывут или это станция вдруг медленно двинулась вниз по течению, словно покоренная какой-то сказочной силой. Парус рванулся, затрепетал пойманной птицей. Шоты болно врезались в руки, стараясь утащить куда-то.

Мальчишка плыл в свою мечту... А вокруг широко раскинулась Волга. С яхты она казалась еще огромней. Не то что глядеть на нее с откоса, когда и люди, и машины, и даже пароходы кажутся маленькими, игрушечными.

На стрелке у стенки порта стоят самоходки. Над ними хлопочут сильные, большие руки подъемных кранов. У Сибирских пристани суетятся работяги-катерки. Они на мгновение пристают к машинам-теплоходам, мягко тыча в их борта, льнут, как котята к кошкам. И вдруг из-за стрелки, нарушая привычный ритм трудовой Волги, вылетает огромный корабль. Даже невозмутимых рыбаков, лодки которых столпились на слиянии двух русских рек, он заставляет забыть об их священных обязанностях. Все поворачивают головы.

— Вот он, «Спутник»!

— Адмирал пошел, — говорит рулевой. И, прищурив глаза, улыбается, видно, вспомнив чём-то...

— Правда, там адмирал, да? — недоверчиво спрашивает мальчишка.

— Может, и не совсем так. Но для нас, для парусников, он всегда Адмирал. — Рулевой молчит сенунду, а потом продолжает: — Дорвались до скорости Ростислав. А ведь когда-то тоже, как ты сегодня, первый раз в яхту забрался...

И услышал мальчишка удивительную историю об Адмирале.

...Эта яхта была загадкой. Она появилась на Волге неожиданно, и ее черные паруса видели то в районе Слуды, то под Кстовом. Никто не знал: чья она и откуда. Никто не знал ребят, которые ходили на нее. Яхтсмены говорили о них: «пираты», — а их яхту за неказистый вид окрестили «Севрюгой».

В тот выходной была гонка. До старта оставалось минут тридцать — сорок. В судейской рубке шло объяснение дистанции, когда вдруг все увидели, что к водной станции полным курсом идет таинственная «Севрюга». Лихо сделал поворот, «пираты» мягко пришвартовались к плотине. Долговязый парень в рваной тельняшке, небрежно надвинув на лоб видавшую виды мичманку с разломанным надвое козырьком, сказал своей команде: «Ждите!» И зашагал по палубе станции.

— Кто здесь главный? — спросил он.

Но вместо ответа услышал:

— Так, значит, это ты болтался на дистанции на своей лайбе?

Капитан «пиратов» смущенно опустил глаза и из «бывалого морского волка» мгновенно превратился в застенчивого паренка.

— Ага, — признался он. И, оправдываясь, добавил: — Прикинуться мы с вами хотели. Ведь у нас все самоделка: и яхту сами строили и паруса шили.

Но, увидев, что вокруг все добродушно улыбаются, с надеждой спросил:

— Может, пустите нас в гонку? Правила мы знаем.

Допустить к гонке эту приблудшую яхту и этого странного паренка с его дикой командой главный, конечно, не мог. Огорченный капитан вернулся к своим.

— Говорят, нельзя. В следующий раз, говорят. И велили на дистанции не мешаться.

«Пираты» принуяли. Так мечтали они пойти в гонку вместе с настоящими яхтсменами...

— Ладно, — не ныть, — сказал капитан. — Мы не будем им мешать...

Обиженная команда «Севрюги» покинула водную станцию и ушла на своей яхте к другому берегу. Но когда был дан старт и яхты ушли в гонку, она тоже легла на их курс. Нет, «Севрюга» никому не мешала. Но черные ее паруса виднелись на всей дистанции гонки.

На финиш она, взяв старт после всех, пришла первой.

Судьи развели руками:

— Чудеса!

И снова шагал по палубе станции долговязый парень в рваной тельняшке. Шел, как ни в чем не бывало, хитро улыбаясь. Ни кого ничего не спрашивал. Теперь уже спрашивали у него:

— Откуда ты такой взялся?

— Славка я, Алексеев. Из индустриального...

— Ну, быть тебе, парень, адмиралом, — сказал кто-то.

И все засмеялись этой шутне. Яхтсмены — народ веселый. Они щедро присваивали друг другу высокие звания и титулы. Тут были и свои бароны, и графы Монте-Кристо, был Ушак-паша и одноглазый Флинтус. И все эти титулы так же быстро забывались, как и присваивались.

Ростислав Алексеев остался Адмиралом навсегда.

... Ну-на потрави стаксель — сказал рулевой.

Мальчишка уже знал, что так называется передний парус. Он выпустил из рук шот, и парус снова затрепетал.

— Много, — сказал рулевой. Чуть-чуть подбери.

И, когда парус успокоился, мальчишка нетерпеливо взглянул на рулевого, боясь, что эта легенда об Адмирале уже кончилась.

И не знал мальчишка, что это была вовсе не легенда. И что это только начало...

Ветер, ветер, ты могут... Он знал его гордую силу, но хотел быть сильнее, быстрее его.

Стать с ветром друзьями не каждому дано. Ветер выбирает себе в друзья таких же, как он сам, пыристых, сильных, которых даже ему не сломить.

Адмирал стал с ветром на «ты».

Они познакомились давно — в тот день, когда Алексеев поймал его в черные паруса своей первой яхты. Летели годы. Крепчали паруса Ростислава, и ветер тоже крепчал. Но все труднее ему было спорить со своим молодым другом.

Адмирал выдержал испытание на прочность характера. Ветер поверил в него.

Теперь часто они разговаривали на языке, понятном только им — Адмиралу и ветру.

Перед гонкой Ростислав поднялся на вышку. Облокотившись на перила, он смотрел на реку. Молчал. И казалось, прислушивается Адмирал к голосу своего друга. А тот повергает свои тайны.

— С ветром встречается. Сейчас придет, все расскажет, — сейчас друзья на команде — всегда веселый, неунывающий Леонид Поплавский, молчаливый, собранный Николай Зайцев.

И Ростислав спускался с вышки. Он рассказывал друзьям все, что поведал ему ветер. И не было случая, чтобы Адмирал подвел команду. Они шли в гонку и побеждали.

Яхты их знали по всей Волге. «Родина», «Русалка» и быстроходная «Ласточка»... Они не были похожи на своих многочисленных подруг. Экипаж Адмирала сам проконтролировал свои суда. У этих яхт были необычные обводы корпуса, где каждый невидимый глазом миллиметр становился в гонке другом яхтсмена.

... Накануне той гонки ветер, как назло, надолго застыл. Яхтсмены проникали его, с тоской глядя на повисшие паруса. Бросали якоря, чтобы течением не скосило яхты. Посвистывали по сторону парусному обычаю, надеясь, что ветер услышит их и придет на помощь.

И только у Адмирала яхта шла.

Это было необычайно: в полнейшую, когда все стояли, он шел.

— С ним нельзя гоняться, — ворчали после финиша соперники. — Когда такой штиль, он берет с собой мешон с воздухом и выпускает растреноженный ветер.

Колдун он, этот Адмирал.

Закончился первый день гонок. А завтра, рассерженный проигрышем яхтсменов, ветер возвращался. Люди выдержали его атаку. Но яхты оказались слабее людей. Одна за другую они сходили с дистанции, тыкаясь носом в прибрежный камыш. Не пощадил в

тот день ветер и друга своего, Адмирала. Тот тоже попал под его горячую руку. Уже на старте ветер так рванул грат на яхте Алексеева, что гик вместе с нижней частью паруса оказался в воде. Затрепетал стаксель, у которого оборвался шнот.

Видели все это с берега.

— Ну, уж если Адмирал сойдет... Но Адмирал и его команда пошли в генку. Они зарифились на ходу и на какой-то четвертушке паруса продолжали борьбу с забывшим о дружбе ветром.

Первым в тот день Адмирал не был. Но и последним тоже. Он сохранил лидерство, завоеванное после первой гонки, и не отдал его никому до последнего дня соревнований. Выиграл Адмирал регату.

Вручал ему приз главный судья. Им был тот, кто навеки встал потом бронзовым богатырем над волжской кречей. Валерий Павлович стиснул в своих огромных ладонях руку этого высокого застенчивого парня и неожиданно почувствовал камень мыши. Он посмотрел взглядом чуть удивленным, но полным уважения в глаза Ростиславу и улыбнулся. И Ростислав улыбнулся ему в ответ.

Оркестр играл туш. А они стояли рядом — два земляка. Чкалов знал, что этот парень — отличный спортсмен. Но не знал тогда крылатый волгарь, что жмет руку человеку, который через двадцать лет первым пролетит по его родной Волге на своем крылатом корабле. Не знал этого Чкалов.

— Расправь-ка колдунчин, — сказал рулевой.

Мальчишка от неожиданности вздрогнул и растерялся. А что такое колдунчин?

Оказалось, что это та самая нитка, которая привязана к стальным тросям.

Она показывает направление ветра.

Много лет прошло. Адмирал и его команда уже перестали привинчивать к борту своей яхты медали победителей гонок: медалей так много, что им не хватало места. И не было на Волге яхты, которую бы не обогнала адмиральская команда.

Но гуляя по речным просторам непобежденный соперник, которого они так и не могли обогнать. Он был быстрее, этот ветер.

...С высокого берега Волга кажется заснувшей и ленивой. Медленно тянется белый мех буруна за кормой винтовых судов. Мерно шлепают допотопные плицы колесных пароходов, о которых на реке пели:

Раз Америка России
Подарила пароход:
Сверху вниз бегут колеса,
И ужасно тихий ход...

Приходил на Волгу будущий инженер-кораблестроитель. Он стоял на ее высоком берегу, смотрел на реку и мечтал о ее будущем. И мыслим его, крылатым и смелым, мог бы позавидовать сам Жюль Верн.

— Скорость нужна тебе, скность, — говорил он Волге. — Идеальная гладь реки — это же дорога-сказка. Но если на нынешних судах установить мощные двигатели, то овчина не будет стоить выделки. Сопротивление воды и действие завихрения настолько велики, что двигатель нужен очень мощный. Он обойдется слишком дорого. И не оправдает себя. Значит... Значит, надо идти по другому пути. Но по какому? Ведь не будешь же срезать корму на судах, как это мы сделали на «Ласточке». Да и вряд ли эффект будет большой.

Нужны были силы, которые бы подняли судно над водой. Поднялись же человек над землей. Его подняли крылья. Возьми и ты крылья, Волга. Я дам их тебе!

Но повисли над его Волгой сирые крылья с черным плащом свастики. Война. Все мечты были отложены в сторону. Все, кроме одной. Солдаты шли к победе по выжженным огнем дорогам войны. Ее ковали в цехах «Красного Сормова» люди, которые забыли о том, что такое существо.

Весна приходит в мае. Она несет свершение надежд. В мае сорок пятого пришла выстраданная в окопах и длинных зимних очередях за хлебом, в земляниках и холодных цехах заводов весна. Люди сбрасывали просоленные за эти годы ватники и кирзовую сапоги. Земля пахла миром и сиренью.

Проснулась Волга. Он встретил

ся с ней после долгой разлуки и услышал:

— Ты обещал мне крылья.
И Адмирал вместе со своими верными друзьями — Николаем Зайцевым, Леонидом Поповым и Иваном Ерлыкиным — снова начали колдоват над чертежами. Нет, не о новых яхтах думали они теперь. Они хотели дать кораблям крылья.

Прошло три первых мирных года. Чертежи и мысли молодых инженеров ожили, воплощенные в сталь. И наградой им была премия.

Было представлено к ней пятеро. Один не получил награды: Адмирал вычеркнул его:

— Не было его с нами. Он не из нашего экипажа. Где он там сидит, в Москве? В главке? Ты знаешь его. Лешка? А ты, Николай, знаешь? Я тоже не знаю.

— Не нашим курсом он шел, Адмирал, — сказал Леонид Попов.

— Ставь на нем крест, Адмирал, — сказал Николай Зайцев.

И на начальнике из главка друзья поставили крест.

„Шел сорок восьмой год. Друзьям вручили лауреатские медали. Адмирал приладил свою рядом со значком мастера спорта. Но скоро они свинтили их, эти лауреатские медали. Стыдно было носить. Над ними в открытую посмеивались. Об их проекте крылатых судов постарались забыть. «Ваш проект — чушь» — писали им из главка. И подписывал эти письма тот, на котором незадолго перед этим был поставлен крест...

Они шли вдоль берега у Мочального острова. Вдруг мальчишина услышал, как что-то заскрипело, и большая железяка посередине яхты поползла вверх.

— А, черт, зацепились! — выругалась рулем.

Яхта села на мель.

— Придется сталкивать, — сказал рулем.

Сентябрьская Волга обожгла мальчишке ноги. Курносый нос его жалобно сморщился, но мальчишка что есть силы навалился на борт яхты.

Есть за Байналом Даурские степи. Дикие и суровые. На сопках гнездятся орлы. И если пуля охотника попадет в орлиные крылья, могучая птица только качнется, посыплются в новыль перья, но орел продолжит полет. Даурские охотники говорят, что убить орла можно, только попав в сердце.

„Когда-то Славка Алексеев дерзко и смело ворвался на свою «Севрюге» в спорт. Он стал Адмиралом. Много лет прошло. И маленький катерок на подводных крыльях, который увидели как-то на Химкинском рейде в Москве, заставил поверить в крылатую мечту горьковского конструктора Ростислава Алексеева. Он стал главным.

„На испытательной станции тихо. Очень тихо.

— Главный спит, — говорят друг другу сотрудники конструкторского бюро.

Это бывает так редко, когда спит главный, что люди, молодые и горластые, ходят на цыпочках и говорят голосами заговорщиков.

А вот и он сам. Нет, Алексеев давно уже не спит. Высокий, сильный, он идет к воде. Как всегда, делает зарядку. А потом бросается в ледяную осеннюю воду и плывет размашистыми саженками, отрываясь от удовольствия, будто морж.

На берегу лежит стопка книг. Он взял их на ночь полистать. Сколько же надо для этого времени! Он ведь не просто листает книги. Он изучает все, что заслуживает внимания. Об этом говорят многочисленные пометки на полях страниц.

— Даужильный ты, Ростислав, — встречает своего друга Леонид Попов. — И нас всех загнал и сам не помнишь, когда дома был последний раз. Вот Сашка заявление уже подал. Просит уволить. Не привык, говорит, так работать, без выходных. Говорит, что даже в Первомай от главного никому покоя нет. Гоняет на своей машине по городу Первого мая, собирает людей на работу.

— Ну и пусть уходит, салага! — неожиданно зло говорит Алексеев. — Труженики нужны. Такие, как Славка Зобин, как Костя Рябов. Пусть уходит...

Он одевается. Наскоро причесывает волосы и опять спешит к себе. Надо еще... Да мало ли, что надо ему!

Саша пришел к нему с заявлением.

ИТОГИ

ШЕСТОГО

ТУРА

Поскольку шестой тур «Шахматные шутки и головоломки» был, так сказать, более «легкого» жанра, чем предыдущий, участников на этом этапе заочного соревнования оказалось значительно больше — 1 430 человек. Рассмотрев присланные ответы, жюри определило победителей, набравших не менее 18 баллов из 20 возможных. Указанные ниже товарищи по окончании олимпиады будут награждены дипломами:

В. Байков (г. Наро-Фоминск),
Н. Будков (г. Клепики, Рязанской области), Н. Варченко (г. Миргород), Е. Висков (г. Москва), А. Григорян (г. Кафан, Армянской ССР), Т. Даудзэлг (г. Улан-Батор, Монгольской Народной Республики), А. Дудник (г. Воткинск, Удмуртской АССР), М. Знайденко (г. Сколе, Львовской области), А. Ильин (г. Лутугин, Полтавской области), В. Кибиров (г. Харьков), Н. Крылюк (г. Шепетовка, Станиславской области), В. Куприянов (г. Кадырь, Ташкентской области), В. Лавров (г. Владимир), В. Луцкы (г. Норильск), В. Макаренко (г. Черновцы), Н. Мансак (г. Одесса), Р. Мандриян (г. Тбилиси), В. Молчанов (г. Конотоп, Сумской области), В. Пергамент (г. Магнитогорск), А. Петелин (г. Судак, Крымской области), В. Прокопенко (г. Алексеевка, Целиноградской области), Ф. Рогожин (г. Караганда), В. Романенко (г. Енакиево), В. Святенко (г. Томск), К. Сиверцев (г. Алма-Ата), К. Тина (г. Выборг, Эстонской ССР), Ю. Фокин (г. Ленинград), Э. Чумы (г. Ташкент), Н. Шишкин (г. Ижевск) и К. Янер (г. Киев) — по 20 баллов;

Я. Бендуль (п. Ругай, Латвийской ССР), И. Гинзбург (г. Москва), В. Захаров (г. Киев), А. Карсаев (г. Севастополь), И. Слюсаренко (г. Москва), Л. Шиверев (г. Сегежа, Карельской АССР) — по 19 баллов;

И. Балахонов (г. Новосибирск), Ю. Балашов (г. Омск), В. Васильев (г. Новосибирск), А. Десмитяненс (г. Цесис, Латвийской ССР), В. Колесников (г. Йошкар-Ола), В. Косарев (г. Балаклея, Харьковской области), Г. Михавандзе (г. Роги, Грузинской ССР), М. Молдаванский (г. Корсаков, Сахалинской области), В. Рябков (г. Шарья, Костромской области), Е. Соловьев (г. Севастополь), И. Убах (г. Тбилиси), Я. Чернин (г. Витебск), Ю. Чилов (г. Тбилиси) и А. Ярушин (г. Йошкар-Ола) — по 18 баллов;

Положил молча на стол и уставился на руку главного, которая что-то чертила на клочке бумаги. Алексеев, казалось, не заметил его прихода.

— Да, Саша, как ты думаешь? — вдруг спросил он. — А что, если эти детали заменить синтетическими?

Саша посмотрел на чертеж, пожал плечами.

— Не знаю.

— А ты проверь, — загорячился главный, — проверь! Ладно?

Саша удивленно посмотрел в возбужденное лицо Алексеева. Нерешительно взял набросок.

— А я ведь к тебе с заявлением...

Но главный уже не слушал. Он потянулся к телефону, спрятав в своих добродушных губах незаметную улыбку.

Саша потоптался на месте, потом махнул рукой и пошел к выходу. Ему ли, много лет ходившему у Адмирала матросом на яхте, не знать алексеевского характера?

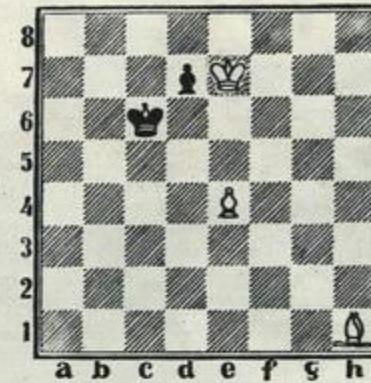
...Он обещал Волге крылья. И вот однажды люди на ее берегах были ошеломлены необычайным зрелищем. По Волге, как птица, летела «Ракета». На борту ее стоял высокий, широкоплечий человек. И никто не знал, что он разговаривает сейчас со своим старым другом — ветром.

— Я победил тебя, дружище. Я теперь быстрее, догоняй...

А ветер был ему в грудь. Трепал

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ ШЕСТОГО ТУРА

(в сокращенном виде)

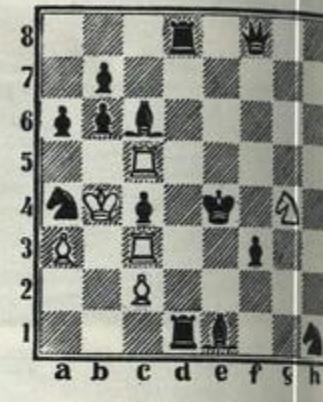
1. В этом положении было сыграно 1. e5+ d5 2. ed+ (взятие на проходе), после чего на доске возникла предложенная нами для разбора позиция.

2. Несложный анализ показывает, что последний ход черных мог быть только g7—g5. А раз так, то мат черному королю быстрее всего дается в три хода посредством 1. hg+ (взятие на проходе) Kph5 2. gh Kph4 3. h8Ф x.

3. Обратный мат в два хода достигается так: 1. Kc7! Kр:d6

C : d5 3. Ff5; 1. ... Cf5 2. gf g4 3. hg 1. ... f5 2. F : d3 f4 3. Ff3.

5. Кооперативный мат в два хода получается весьма замаскиро-

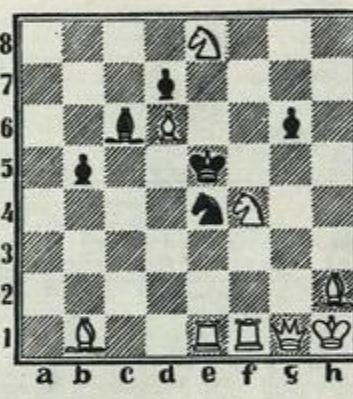

ванным путем: 1. L8 d2 Ld2 2. Ff5! L : c4x.

6. Мат дается в пять ходов, когда король черных находится в поле «сб», причем решающий удар наносит та белая ладья, которая в исходной позиции расположена крайне неудачно: 1. Lg7! Ld2 2. Lf7 Cc3! 3. Le7! Kc5! 4. Le7+ K : c7 5. L : b6 x.

7. В наименьшее количество ходов в начальном положении фигур «вечный шах» дают черные после: 1. f3 e6 2. Kpf2 Cc5 + 3. Kpg2 Fb5+ или 1. f4 e5 2. Kpf2 Ff6 3. Kpg3 F : f4 +.

8. Перед предпоследним ходом белых их король стоял на поле «г3», а на доске были еще де-

2. K : g6 + Kg3x; 1. ... Kpf6 2. Ke6+! Kf2x; 1. ... Kpf5 2. Kd3+! Kf2x; 1. ... b4 2. Ke2+! Kg3x.

4. В три хода заматовать короля черных можно следующим образом: 1. Lc1! C : b1 2. Cd3+ Ce2 3. Cf5; 1. ... Cc2 2. Cd3 f5 3. C : f5; 1. ... C : c4 2. Ke5 fe 3. Ff5; 1. ... Ce2 2. Cd5+ Ce4 3. Ff5; 1. ... Ce1 2. Ld5+

ки — березки. Эта машина поистине вроде новра-самолета. Утром она мчится из Горького в Москву, оттуда в тот же день отправляется в Рыбинск. Из этого города Алексеев звонит к себе, на «Красное Сормово», и говорит другу своему Николаю Зайцеву, главному инженеру конструкторского бюро:

— Собери людей, Николай, я не что придумал.

И, не заезжая домой, Ильин мчится на испытательную станцию — на Горьковское море. Все это за кание-нибудь сорок часов.

На водной станции уже не было. Сентябрьский день начался. Рулевой ставил яхту. Мальчишка вылез на понтон и только сейчас прочитал на борту название: «Мечта».

А потом они шли домой.

— А где сейчас Адмирал, спросил мальчишка.

— Сейчас? — переспросил рулевой. — В Москву он. На съезд Делегат наш Адмирал. В Кремль Программу партийную принимает.

Слышал, — сказал мальчишка. — Учительница рассказывала. Только мы ее не проходили.

Рулевой положил мальчишке на плечо добрую мозолистую руку. Улыбнулся и тихо, задумчиво сказал:

— Ты пройдешь ее, иди по зерле, паренек!